

В поисках хороших работ

По субботам я обходил галереи. В мой основной маршрут были включены четыре художественных салона. Почти всегда я начинал с галереи, находящейся на Ленинском проспекте в пяти минутах езды на машине от моего дома. Оттуда, по дороге в центр, я заезжал в Октябрьскую галерею, затем проезжая мимо Кремля и направлялся к галерее на Петровке, которая находится за Большим театром. Последним в списке был художественный салон, находящийся позади моего офиса на Кутузовском проспекте.

Как правило, в плохо освещенном месте картина выглядит мрачной, и значительно теряет в своем внешнем виде. Но в какую бы галерею я ни зашел, словно по чьей-то просьбе, окна их были занавешены белыми кружевными шторами, а освещение днем не включали. От живущих или когда-то работавших в Москве японцев я часто слышал, что русские картины слишком темные и мрачные. Как-то мне рассказали о посетившем Москву одном японском художнике, который предположил, что, может быть, вся проблема в том, что они написаны плохими красками. Действительно, среди выставленных в новой Третьяковской галерее картин есть довольно много темных работ, возможно потому, что большинство из них написаны в сталинскую эпоху и являются отражением своего времени. Однако, что же касается работ современной русской живописи, созданных в последние годы, в общем они на самом деле не мрачные, но все же если они дают такое впечатление, то причиной этому, по моему, можно считать слабое освещение в выставочных залах.

Впрочем, и этому есть свое объяснение. Дело в том, что русским достаточно света даже в таком полумраке. Заметил я это тогда, когда мая контора еще располагалась в гостинице. В окна ее не попадали солнечные лучи, так что даже днем в помещении было сумеречно, и чтобы не испортить зрение, я постоянно включал настольную лампу. Но однажды, секретарша попросила меня выключить ее, мотивируя тем, что включенный днем свет вреден для глаз. Похоже, что в отличие от японцев, зрение у русских устроено таким образом, что яркий свет их ослепляет, и наоборот, они хорошо видят в затемненном помещении. Думаю, те, кто хорошо знает Москву, вспомнят, как скудно освещены днем залы вылета и прилета международного аэропорта Шереметьево-2, являющегося главными воротами в Россию, хотя этому, как я уже говорил, есть своя причина, а той же самой причиной можно объяснить и то, какими темными несколько лет назад были ночные московские улицы. Казалось, что на них просто не хватало столбов освещения. При этом основной свет, включенный на едущих по тем улицам машинах российского производства был гораздо слабее, чем в Японии (хотя фары дальнего света горели также ярко), а летом, с наступлением сумерек, большинство водителей включали лишь габаритные огни. Когда я приехал в Москву, японские машины на ее улицах были еще большой редкостью. Яркие фары и высокий угол освещения на привезенной из Японии машине буквально слепили глаза встречных водителей,

сигналивших мне, чтобы я немедленно выключил свет.

Во что бы то ни стало, для русского человека в полутемных галереях картины выглядят совершенно нормально, но в то время те же самые картины выглядят мрачными для японцев, привыкших к яркому освещению, из-за чего в темноте у них начинается куриная слепота. В частности работы современной русской живописи, так тонко реагирующие на свет, значительно теряют в своем внешнем виде в плохо освещенных помещениях, поэтому чтобы японцы, с их особенностью зрительного аппарата, смогли разглядеть истинную ценность картин, требуется чуть больше света. Учитывая все это, необходимо делать скидку на недостаток освещенности. Если вы будете внимательны и не забудете об этом, то даже в полутемном помещении сможете распознать действительно стоящую работу.

Современная живопись в России представлена самыми различными жанрами – религиозной, исторической, жанровой, портретной живописью, обнаженной натурой и пейзажем, натюрмортом и абстракционизмом и т.д., как будто все жанры изобразительного искусства маслом собрались на одном месте и образы изображения настолько широки и разнообразны, а стили письма так разны. При этом основную массу выставленных в галереях картин представляют пейзажи и натюрморты, написанные в стиле реализма, и лишь изредка можно увидеть работы других направлений.

Впрочем, абстрактная живопись выставляется в нескольких специализированных салонах. Я не то, чтобы не понимаю абстракционизм, но сравнительно с предметной живописью особого интереса к ней не испытываю, поэтому заходил всего два раза к таким специализированным галереям, да и то за компанию с друзьями, но при этом сам ни разу не был инициатором таких походов.

Иногда хорошие работы можно встретить и среди акварельных картин. С мягкой палитрой, необычайно прозрачная акварель обладает своим собственным, неповторимым миром, однако в плане масштабности и передачи всех цветовых нюансов меня неотступно преследовало ощущение, что у нее чего-то не хватает. За время моего пребывания в Москве я с интересом пересмотрел много работ, написанных акварелью, но так и не встретил ни одной, понравившейся мне настолько, чтобы я ее приобрел. Но значение это кроется в том, что я смотрел разные картины, не ограничивая рамки своего выбора каким-либо одним средством выражения или жанром. Не важно, в каком они средстве выражения, важно, какую именно из имеющихся хороших работ выбрать, но при равных критериях оценки оказывалось, что написанные маслом картины обладают большей выразительностью, и когда я сравнивал их с не менее замечательными работами других средств выражения, преимущество все же оставалось за маслом. Однако акварель и масло изначально следует рассматривать как направления живописи, использующие различные выразительные средства, поэтому я должен добавить, что и среди написанных акварелью картин русских художников есть работы, обладающие высоким уровнем и заслуживающие должного внимания.

В четырех галереях, которые я часто посещал, всего было выставлено около семи сотен написанных маслом картин. Раз в неделю половину из них меняли на новые, а еще через неделю заменяли и оставшуюся половину. Как правило смену экспозиции проводили в пятницу вечером, так, чтобы в субботу можно было посмотреть на новые работы. Пожалуй, действительно, суббота в галереях была самым прибыльным днем. По подсчетам выходило, что за месяц я должен был увидеть около тысячи четырехсот картин, однако среди выставленных работ были и такие, которые вопреки общему принципу не заменялись и оставались некоторое время на экспозиции. Бывало, что в какие-то выходные я не ходил в галереи, а кроме того, что-то успевали купить еще до моего прихода, так что, думаю, за месяц я успевал посмотреть менее тысячи картин. Все они обладали определенным художественным уровнем, и какую из них вы не выбрали бы, вряд ли она оказалась бы гораздо хуже других. Однако разница между действительно выдающимися и не являющимися таковыми картинами все же была. Все вместе они производили впечатление сверкающей россыпи драгоценных камней. Естественно, что количество «бриллиантов» в этой россыпи было невелико, но их художественный уровень был значительно выше среднего. Еще меньше среди этих работ тех, что обладают способностью притягивать и не отпускать взгляд зрителя, однако встретить их в обычных галереях – большая редкость.

По воскресеньям в галереях выходной, и в этот день я часто отправлялся в музей и на организованный под открытым небом художественный базар. Несмотря на такое название, вперемешку с палатками, продававшими наручные часы и матрешки, марки, коллекции значков, и иконы, там продавали и картины, поставленные на обочине. Чаще всего картины на этих базарах продавали сами же художники, но иногда можно было увидеть и матери, продававшую работы своего сына, занимающегося в художественной школе.

Первое время я ездил на Вернисаж в Измайловском парке, где посреди березовой рощи, по обеим сторонам пятидесятиметровой дорожки, плотными рядами стояли палатки. Между ними неспеша прогуливались молодые семейные пары, катившие перед собой детские коляски или ведущие малыша за руку. Иногда они подходили к палаткам поближе и рассматривали продаваемые товары.

Некоторое время спустя мне сказали, что Измайловский вернисаж перенесли из рощи на новое место, куда я в следующий раз и отправился. На обнесенном забором из металлической сетки пространстве, где не было ни единого кустика или деревца, в огромном количестве появились торговцы среднеазиатскими коврами. Атмосфера переполненного посетителями вернисажа стала походить на самый настоящий базар, и в результате число продаваемых там картин резко сократилось.

Поскольку вернисаж находился еще и очень далеко от моего дома, то я, естественно, перестал туда ездить. А между тем, продавцы картин, вытесненные из Измайловского Парка, стали появляться перед Октябрьской галереей, куда я

и стал заходить по пути в галереи или музеи. Где-то в течение года или около того, торговцы картинами, осаждаемые москвичами, иностранными туристами, и командированными, процветали, а затем, из-за того, что, они мешали пешеходному движению, их снова переместили, на этот раз на площадь перед Центральным Домом Художника, который находится напротив Парка Горького.

Впервые идею сходить на художественный базар предложил мне мой русский друг, сказавший, что там можно найти много хороших работ, и отправился туда, преисполненный ожиданий. На солнечном свету под открытым небом картины должны выглядеть лучше, однако на самом деле уровень всех этих работ был значительно ниже уровня тех, что выставлялись в галереях. И поэтому я даже подумал, что, может быть, такое впечатление сложилось из-за того, что я пришел туда во второй половине дня, и возможно, все хорошие картины были уже проданы. Так что со следующего раза я старался специально отправиться на художественный базар как можно раньше, но мои предположения не оправдались. Всего там было выставлено около двухсот работ, среди которых встречались и копии известных картин, представленных в музеях. Большая их часть была написана маслом. Там можно было встретить самые разные стили и направления, включая абстракционизм и религиозную живопись, но что касается жанра, то все же пейзажей было большинство.

Что касается этих пейзажей, их авторы, должно быть, имели способность по-своему, но меня тревожило то, что среди их работ бросались в глаза картины, выглядевшие так, словно писались они наспех и небрежно, как будто они работали, как говорится, «на продажу». Контуры объектов были нарисованы вполне талантливо, но мне было невыносимо жаль видеть, что они испорчены слишком красивыми и яркими красками, отрывающими картины от действительности. Основным направлением современной русской живописи является традиционный реализм периода второй половины XIX века, художественным принципом которого, грубо говоря, является воспроизведение на холсте природы, улиц и других в соответствии с реальностью. «Уличные» пейзажи тоже следуют традициям реализма, однако создается впечатление, что там, где для отображения почерпнутого из действительности, должно быть вложено чуть больше души, и где для передачи чувств необходимо большее разнообразие оттенков, картины прописаны наскоро, единообразно, без каких-либо затрат лишнего времени, но при этом яркими, чтобы хоть немного привлечь взгляд, красками.

По правде говоря, именно используемая цветовая палитра является важнейшим критерием разграничения великих мастеров и художников рядовых, и даже если кажется, что отличий практически нет, этот огромный разрыв не закрыть без таланта и усилий. Когда же художники работают так, как описано выше, развития их способностей ждать не приходится, а мне бы хотелось, чтобы, бросив вызов самим себе, они выросли в своем творчестве.

Вот история, рассказанная уже в самом конце моей работы в Москве,

одним русским художником, с которым я дружил. Все художественные галереи находились в заведовании Союза Художников СССР, и через них выставлялись на продажу работы художников, состоявших в рядах этого Союза. (С распадом СССР исчез и Союз Художников СССР, функции которого перешли к одноименным организациям каждой из независимых республик. Чтобы в дальнейшем избежать путаницы, я не буду упоминать слова «до распада СССР» кроме того, где это будет необходимо, а сам Союз буду именовать Союзом Художников России). Тех же художников, кто не был членом Союза, вытеснили из галерей, и им ничего не оставалось, как продавать свои работы на улице.

Но это вовсе не означает, что среди «уличных» картин не было достойных работ. Так, мой друг с бакенбардами и бородой, кто когда-то преподавал живопись в художественной школе, и был типом человека, которого все любили, с жизнерадостным характером и широкой, словно русская земля, душой, рассказав о положении галерей, заодно с воодушевлением поведал мне о сделавшем карьеру «уличном художнике». Может и, действительно, был художник, в течение многих лет продававший свои работы на улице, чьи истинные способности были замечены, который сумел одним скачком выбраться из самых низов и стать известным. Мой друг не утверждал, что хорошие картины есть и на улице, но, акцентируя этот эпизод, хотел сказать именно это. Впрочем, оставим его рассказ в стороне. Я и сам убедился, что на улице, пусть и в небольшом числе, но все же можно встретить вполне приличные работы. Несколько раз я видел там картины, запавшие мне в душу, а кое-какие из них даже приобрел.

К сожалению, у меня старые данные, но на 1974 год в Союзе Художников СССР состояло восемь тысяч живописцев, а подавших заявление на вступление – семь тысяч. Конечно, в то время, когда я жил в Москве, цифры эти, скорее всего, были другими, но думаю, что в целом изменились они не на много. Так что, судя по этому громадному резерву, у художников, почти не появлявшихся на уличных базарах, была достаточная возможность открыто выставлять свои талантливые работы, и должен сказать, что время от времени, когда я отправлялся на вернисажи под открытым небом, я не был полностью лишен ожиданий встретиться с их картинами. (В 1998 году, во время моей второй долгосрочной командировки в Москву, я обратил внимание на то, что с 1993 года, когда связанные с Союзом Художников галереи постепенно были вынуждены сократиться или закрыться, сравнительно хорошие картины появились и на улице, где ситуация в последние годы, похоже, стала меняться. Поэтому я буду вам очень благодарен, если вы понимаете, что вышеизложенная ситуация базируется на впечатлениях, полученных мной во время моего первого пребывания в Москве).

Чем богаче будет ваш опыт встреч с картинами, тем глубже вы будете понимать русскую живопись. Разумеется, при этом очень важно как можно больше судить по хорошим работам, но в то же время для более глубокого понимания живописи необходимо уделять внимание и тем, которые чем-то не

удались. Благодаря такому подходу станет возможным на самом деле почувствовать, какой одаренности и опыта требует это сложнейшее из искусств – писать картины.

В целом создается впечатление, что русские пейзажисты имеют довольно надежный фундамент по технике. Как правило, достаточно хороши и портреты, неплохо написаны и натюрморты, но все же это не означает, что объекты изображения всегда отображены идеально. Не так просто передать живую энергию столкнувшегося с препятствием бурлящего потока реки, и также сложно придать ощущение реальности и движения человека или мчащейся лошади и других. Изредка в галереях появляются картины исторического жанра с изображением большой группы людей, но по большей части ощущается нехватка изображения людей, ведь если в их цветовой палитре не будет глубины, изображение получится поверхностным и легковесным. Так, если на картине человек несет ведро, полное воды, то вы должны почувствовать всю тяжесть этого ведра, но если ведро пустое, то и поза несущего его человека должна измениться. И даже если художник справлялся с такой задачей, иногда мне доводилось сталкиваться с работами, в которых из-за неудачно составленной композиции чувствовалась какая-то дисгармония или скученность. Основным принципом с точки зрения возможности эффективной передачи задуманного изображения является способность ухватить композицию так, чтобы она выглядела приятно и непринужденно. А поскольку иногда я встречал и примеры неудачных работ, значит не так просто всегда осуществить это в полной мере.

В работах высокого художественного уровня все детали отшлифованы, в них великолепно подобраны и общая композиция, и образы, и цветовой баланс, но самое трудное из этих трех основных компонентов для овладения, все же цвет, чувство которого, как мне кажется, напрямую связано с врожденным талантом художника.

Что бы то ни стало, пытаясь с одной стороны составить свое мнение о картинах, я долгое время искал хорошие работы, и постепенно моя коллекция пополнялось теми, что мне понравились. Выбрав некоторые из них по своим целям, я хотел бы показать их в последующих главах.